

НАСТОЯЩАЯ ЦЕНА ВОЙНЫ *

НИКОЛАЙ САВЧЕНКО

В Москве в издательстве «Вече» вышла книга В.В. Литвиненко [Литвиненко 2013]. Выход книги был приурочен к 70-летию Победы и призван, по замыслу автора, дать отклик на многочисленные исследования последних лет, в которых дается иная, отличная от официальной, итоговая цифра потерь вооруженных сил СССР. Книга продолжила традицию советского подхода к исчислению жертв Великой Отечественной войны. Стиль книги остро полемический, местами даже чрезмерно. Книга отстаивает неизменность цифры в 8,67 млн погибших и умерших от ран военнослужащих советских вооруженных сил. Эта цифра, полученная комиссией генерал-полковника Кривошеева, была принята как официальная и до сих пор считается таковой, несмотря на большое количество серьезных научных возражений. С некоторыми авторами исследований, содержащих такие аргументированные возражения, а их в последние годы появляется все больше, В.В. Литвиненко ведет острую дискуссию на страницах своей книги.

Первое, что становится заметным при внимательном ознакомлении с книгой, – это то, что она почти не касается демографических методов расчета потерь населения СССР и, в частности, мужского населения. Практически вся книга построена на анализе учета донесений о потерях из военных частей, госпиталей, лагерей военнопленных и является, по сути, повторением заключений комиссии Кривошеева. Такой подход, традиционный для советской исторической науки, действительно с некоторыми оговорками выводит на цифру 8,67 млн погибших и умерших военнослужащих. Но при этом любой военнослужащий, о гибели которого не отчитались, не считается погибшим. Строить на подобной крайне несовершенной и неполной отчетности все исчисление потерь весьма опрометчиво, и такой упрек уже многократно высказывался в адрес комиссии Кривошеева. Тем более что официальный результат входит в решительное противоречие с результатами, полученными с помощью демографических методов оценки потерь.

САВЧЕНКО НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ. Священник Троице-Сергиевой пустыни в Стрельне, Санкт-Петербург. E-MAIL: nicholas-savchenko@lycos.com.

* В.В. Литвиненко (2013). Цена войны. Людские потери на советско-германском фронте. М.: Вече: 288.

РЕЦЕНЗИЯ ПОСТУПИЛА В РЕДАКЦИЮ В ФЕВРАЛЕ 2015 Г.

Автор книги настойчиво отвергает демографический подход к исчислению потерь по причине отсутствия официальных данных учета населения. Но уже после выхода его книги, в 2015 г., готовясь к юбилею Победы, Росстат выпустил в свет сборник [Великая Отечественная война... 2015]. Чрезвычайная важность этого нового издания в том, что в нем впервые на официальном государственном уровне дана детализация потерь народонаселения СССР, которая существенно отличается от прежней, хотя при этом общая итоговая цифра потерь народонаселения остается в неизменности – 26,7 млн. В справочнике Росстата приведено сразу несколько таблиц с исключительно важными сведениями, которые напрямую касаются обсуждаемой темы, поскольку позволяют сделать очевидный вывод, что значительное большинство из 26,7 млн погибших и умерших преждевременно во время войны были мужчинами призывных военных возрастов. В первую очередь важно обратить внимание на таблицу «Изменение численности населения по полу и основным возрастным группам в годы Великой Отечественной войны» [Там же: 24]. Из таблицы следует, что с 1941 по 1946 г. число женщин в трудоспособном возрасте 16-54 года в СССР снизилось на 3,9 млн человек, но при этом число мужчин в трудоспособном возрасте 16-59 лет уменьшилось на 17,1 млн. И это при том, что несколько самых младших и самых старших мужских возрастов трудоспособного населения по состоянию на 1946 г. не принимали участия в войне (были или слишком молодыми, или уже слишком пожилыми). И очевидно, что такое сильное уменьшение численности мужского населения выводит нас на цифры, значительно большие, нежели официальные потери вооруженных сил СССР в 8,67 млн. В сборнике также приведена таблица оценки численности населения по возрастным и половым группам в РСФСР по годам на 1941 и на 1946 г. Эти данные особо ценны, ведь численность групп населения в межпереписной период (между переписями 1939 и 1959 г.) достаточно полно проявляет картину потерь народонаселения. Из таблицы видно, что, например, мужчин в возрасте 15-19 лет на начало 1941 г. было 5,65 млн, а в начале 1946 г. мужчин в возрасте 20-24 года было лишь 3,53 млн. Мужчин в возрастных группах 20-24 года на 1941 г. было 3,90 млн, а их же в возрастах 25-29 лет на 1946 г. осталось лишь 2,44 млн. Мужчин в возрасте 25-29 лет было 5,02 млн, а осталось в этой когорте после войны 3,07 млн. В возрасте 30-34 года было 4,57 млн, осталось 2,77 млн. 35-39-летних было 3,64 млн, осталось 2,18 млн. 40-44-летних было 2,68 млн, осталось 1,70 млн, 45-49-летних было 2 млн, осталось 1,49 млн [Там же: 25]. В сумме убыль числа мужчин в возрастах 15-49 лет к 1946 г. по сравнению с численностью этой же когорты в 1941 г. получается равной 10,28 млн, причем это только в населении РСФСР, где проживало примерно 58% населения СССР, остальные союзные республики в этот счет не входят. И важно отметить, что за время войны оккупации подвергались места жительства 15,5% жителей России, причем из них на срок более 6 месяцев – лишь 7,7% мужского населения нашей страны¹. Остальные оккупированные земли – это Украина, Белоруссия, Прибалтика и Молдавия. При этом потери мужчин России огромны. Это позволяет нам на основании официальных данных Росстата сделать также закономерный вывод, что значительная часть погибших мужчин были уроженцами тыловых областей, краев и автономных республик, т.е. они погибали на

¹ “Всего по стране изъявилось желание вступить в народное ополчение свыше 4 млн чел. Из отобранных для обучения лиц формировались соединения, части и подразделения народного ополчения. Но не везде удалось завершить формирование. Однако всего через народное ополчение в действующую армию вошло около 2 млн чел.” [Гриф секретности снят... 1993].

фронте. Но наиболее важной в новом сборнике Госкомстата представляется таблица «Оценка потерь населения в годы Великой Отечественной» [Там же: 32], где указано, что из-за роста смертности в возрастах старше 4 лет мужчин в СССР стало меньше на 19,5 млн, а женщин – на 6 млн. Первая из этих цифр очевидно не согласуется с официальной цифрой потерь вооруженных сил СССР в 8,67 млн. Опять получается, что основные потери народонаселения СССР – мужчины военных призывных возрастов. По этой причине нельзя не выразить сожаление, что демографическим вопросам в книге уделяется так незаслуженно мало места. Почти весь материал посвящен полемике и вопросам учета погибших по данным военных частей.

В дискуссиях об учете потерь вооруженных сил СССР уже сложилось несколько ключевых определяющих тем. Эти темы достаточно просты, понятны и убедительны. Они присутствуют в большинстве научных и публицистических работ, содержащих критику официальной цифры потерь советских вооруженных сил. К сожалению, автор опять обходит их стороной, едва касаясь. Первая из таких ключевых тем – это соотношение численности офицеров и солдат среди погибших и умерших. Многие исследователи уже обращали внимание на то, что учет убитых офицеров в советских вооруженных силах был гораздо более точным, чем учет солдат. Байербах приводит численность погибших и пропавших без вести офицеров советских вооруженных сил за время войны: 607217 и 366043 соответственно [Байербах 2010]. В сумме получается 973 тыс. Если принять эту цифру, то соотношение погибших офицеров и солдат по версии официальных потерь (8,67 млн) оказывается близким 1:7. И это с очевидностью показывает сильный недоучет потерь солдат, поскольку такого соотношения быть не могло. По мнению автора рецензируемой книги, такое соотношение офицеров и солдат было якобы нормальным для Красной армии, но это утверждение ничем не доказывается, и согласиться с ним никак нельзя. В пехоте, которая несла наибольшие потери, соотношение было в разы большим, что легко увидеть по штатной численности роты или батальона пехоты. Даже в артиллерии оно больше. И при всем этом итоговая численность погибших и пропавших без вести советских офицеров в настоящее время никем не оспаривается. Для сравнения Байербах приводит число погибших на 31.12.1944 офицеров вооруженных сил Германии на восточном фронте (34800) и дополнительно число пропавших без вести (30350). При этом часть пропавших без вести остались живы и вернулись домой после плена. Цифра совсем другого порядка, нежели 973 тыс. советских офицеров. Даже если добавить немецкие потери офицеров 1945 г., вычесть технический персонал Красной армии, в котором, в отличие от вермахта, были офицерские должности, и даже если учесть, что часть советских офицеров погибла в боях против войск сателлитов Германии, то и тогда числа погибших советских и немецких офицеров будут отличаться друг от друга примерно на порядок. А это, в свою очередь, говорит о сильном недоучете потерь советских солдат. Кроме Байербаха, данная тема достаточно подробно была рассмотрена также у Ивлева [Великая Отечественная война 2015: 25] и у Лопуховского [Там же: 32]. В этом важном пункте дискуссии Литвиненко не смог ничего противопоставить упомянутым исследователям, несмотря на горячий стиль его полемики.

Вторая ключевая тема дискуссии о потерях - число погибших и умерших коммунистов и комсомольцев. К сожалению, автор книги не смог предоставить

аргументацию в защиту своей позиции и по этой важнейшей теме. Учет погибших членов партии и комсомола был также гораздо более точным, по сравнению с учетом обычных солдат, и велся по номерам партийных и комсомольских билетов. Статистика погибших членов партии и комсомола опять косвенно показывает сильный недоучет потерь беспартийных. Ивлев приводит в своем труде данные, в соответствии с которыми число погибших коммунистов в вооруженных силах составило около 4,14 млн, а погибших комсомольцев – 5,13 млн. В сумме – 9,27 млн или больше, чем официальная цифра всех погибших солдат и офицеров (8,67 млн) [Умылись кровью... 2012: 460]. А ведь члены партии и комсомола составляли примерно 43% численного состава вооруженных сил, хотя эта доля претерпевала некоторые изменения в течение войны.

Пытаясь оспорить аргументы нескольких исследователей потерь Великой Отечественной, в частности Ивлева, Лопуховского, Кавалерчика и Байербаха, автор погружается в мелкие детали отчетности по различным боевым операциям. Однако многие ключевые и принципиальные вопросы методики расчетов ускользают от его внимания. А ведь упомянутые авторы в своих работах привели достаточно серьезные аргументы. Так, например, Ивлев перечислил по номерам огромное количество дивизий Красной армии, которые не предоставили вообще никаких отчетов о потерях. Основываясь на многолетнем опыте работы в архивах, Ивлев указывает, что после обработки данных о потерях 199 стрелковых дивизий в Центральном архиве Министерства обороны (ЦАМО РФ) было обнаружено отсутствие вообще каких-либо отчетов о потерях 78 стрелковых дивизий или их первых-вторых формирований [Там же: 308]. При этом еще у 28 стрелковых дивизий имеются значительные пробелы в отчетности от 3 месяцев до 3 лет [Там же]. В обобщенных сведениях о потерях вышестоящих соединений эти пробелы никак не учтены. И это только среди исследованных номеров дивизий и их формирований, а было еще множество других соединений и отдельных частей различных видов вооруженных сил и родов войск. Что касается госпиталей, то, по данным, приведенным Ивлевым, из 6076 работавших госпиталей по 3593 госпиталям отчетов в архивах нет и потому сведения по числу умерших от ран были получены по итогам обработки лишь около 41% госпиталей [Там же: 303]. Обоснованных возражений на все эти аргументы Ивлева в книге нет.

В ней присутствуют и некоторые уже ставшие привычными ошибки и несоответствия учета потерь. Эти несоответствия уже неоднократно подвергались критике и прежде, но в книге они снова воспроизведены.

При исчислении потерь СССР и Германии уже не первый раз наблюдается стремление разных авторов не выявлять наиболее точно число погибших и умерших, но вместо этого сравнивать безвозвратные потери вместе с пленными, причем со взятыми после капитуляции. Так же поступает и Литвиненко при сравнении безвозвратных потерь СССР и Германии (в их число включаются и пленные). К числу немецких пленных автор добавляет и тех, кто сдался уже после 9 мая 1945 г. С учетом всего состава пленных и в том числе сдавшихся после 9 мая разница безвозвратных потерь СССР и Германии несколько сглаживается. Этим приемом значительно улучшаются и показатели смертности немецких военнопленных в советских лагерях, ведь смертность немецких военнопленных в 1941-1944 гг. просто огромна и сравнима со смертностью советских военнопленных в немецких концлагерях. Из всей армии Паулюса домой вернулось лишь около 5 тыс. человек [The

History Place... 2010]. Однако основная масса немецких пленных поступила уже в апреле-мае 1945 г., они получали снабжение продовольствием в значительной мере из местных немецких источников, да и отношение к пленным после капитуляции было не таким, как во время войны. Этим и объясняется сильное уменьшение смертности немецких военнопленных, многие из них остались живы, чего нельзя сказать о советских военнопленных первого периода войны.

Такой подход, как мне кажется, неверен в корне. Получается, что вместо четкого и ясного ответа на вопрос, сколько военнослужащих погибло и умерло с одной и другой стороны, нам предлагают сравнение наших погибших со всеми погибшими немцами на всех фронтах, к которым прибавляют весь плененный вермахт мая 1945 г. Только так могут получиться натянутые и мифические соотношения 1:1,3. В действительности же сверхнормативная смертность мужчин в военных призывных возрастах в СССР оказалось равной 16,8 млн человек [Савченко 2013], что надо сравнивать с общим числом убитых и умерших военных вооруженных сил Германии в 5,3 млн за 6 лет на всех фронтах. Из них на советско-германский приходится около 4 млн². При этом немецкие данные вполне соответствуют послевоенным демографическим данным.

Еще одним авторским концептуальным несоответствием является различие подходов к тому, кого следует включать в число погибших военнослужащих вооруженных сил, а кого нет. Например, автор включает в немецкие потери убитых и плененных чинов фольксштурма, полиции, военизированной организации Тодта, местных отрядов ПВО и военизированной охраны. В немецких научных трудах все эти перечисленные категории учитываются среди погибших военнослужащих. И это разумно. Однако при этом автор не стал включать в число жертв вооруженных сил СССР народное ополчение до включения его в штаты армии, военных строителей и части военизированной охраны различных ведомств. А ведь только в народное ополчение было призвано, по разным сведениям, от 2 до 4 млн человек³, а из военных строителей формировались многочисленные строительные армии. Из них впоследствии черпался личный состав, причем часто спорадически. Впрочем, отсутствие учета по потерям этих категорий военнослужащих СССР не составляет особенности рассматриваемой книги, оно было вполне традиционно для советской науки.

Книга весьма поверхностно касается развернувшейся в последние годы важной дискуссии вокруг справки начальника оргштатного управления РККА полковника Ефремова от 1 марта 1942 г., которая приводится как явный пример недоучета потерь. По справке Ефремова, численность Красной армии на 22 июня 1941 г. составляла 4 924 000

² Цифра в 5,3 млн всех погибших немецких военных (и из них около 4 млн - на советско-германском фронте) является наибольшей и принадлежит Рюдигеру Овермансу. При этом немецкая официальная цифра 1960 г. [The Statistisches Jahrbuch... 1960: 78] оценивает все потери немецких вооруженных сил за всю войну в 4,44 млн, включая и потери Австрии и всех немцев из заграницы, а официальные оценки Немецкого Красного Креста, опубликованные в 2005 г., дают 4,3 млн всех потерь убитыми и умершими, также включая Австрию и зарубежных немцев [Kammerer, Kammerer 2005].

³ “Всего по стране изъявило желание вступить в народное ополчение свыше 4 млн чел. Из отобранных для обучения лиц формировались соединения, части и подразделения народного ополчения. Но не везде удалось завершить формирование. Однако всего через народное ополчение в действующую армию вошло около 2 млн чел.” [Гриф секретности снят 1993].

человек и до 1 марта 1942 г. было мобилизовано 12 490 000. В сумме это составляло мобилизационный ресурс 17 414 000 человек, однако в наличии на начало весны 1942 г. было лишь 9 315 000 человек. При официальных безвозвратных потерях в 3 217 000 (именно такими они виделись на 1 марта 1942 г.) неучтенная разница составила 4 882 000 [Литвиненко 2013: 24]. Автор книги утверждает, что часть этого недоучета покрывается за счет 1,3-1,4 млн мобилизованных, переданных в народное хозяйство, о чем имеются документальные свидетельства. Однако справка Ефремова говорит лишь о балансе Красной армии, но не всех вооруженных сил Советского Союза. Число всех мобилизованных только за 1941 г. вместе с наличным составом вооруженных сил на 22 июня с учетом народного ополчения и строительных войск составило более 20 млн, причем точные цифры назвать трудно. И передача мобилизованных в гражданские наркоматы касалась в значительной степени не только Красной армии, но и строительных войск, и других тыловых формирований, например, ВОХР и ВНОС. Так, например, только численность формирований ВНОС мирного времени на 22 июня 1941 г. составляла около 40 тыс. человек и в первые месяцы войны увеличилась значительно [Wikipedia 2015a]. Если учесть все эти формирования, а не только Красную армию, то недоучет принимает еще большие размеры. Кроме того, как это уже показала дискуссия, в справке Ефремова в численности Красной армии на 22 июня 1941 г. не была учтена часть военнослужащих, призванных перед войной на военные сборы и не успевших зачислиться в военные части. Призванные на военные сборы не числились в составе воинских частей, так как не считались мобилизованными. Они были зачтены как мобилизованные уже после 22 июня задним числом. Значительная их часть погибла или пропала без вести. Таких призванных на Большие учебные сборы к 10 июня насчитывалось 802 тыс. человек. С этими призывниками Ивлев и другие с ним согласные исследователи определяют численность вооруженных сил СССР на 22 июня 1941 г. в 5 884 443 человек [Умылись кровью... 2012: 494].

В полемике автор делает и некоторые необычные выводы. Например, автор не согласен с тем, что Вяземскую оборонительную операцию можно охарактеризовать как сокрушительное поражение Красной армии. И это при том, что к 7 октября были окружены или разгромлены 8 армий в составе 73 стрелковых и кавалерийских и 13 танковых дивизий, дорога на Москву оказалась открытой, а число пленных вместе с военными строителями составило по немецким данным 673 тыс. человек [Там же: 62]. Кстати, именно как тяжелейшее поражение данное сражение охарактеризовал и Жуков⁴.

Во время обсуждения вопросов численности советских военнопленных как взятых в плен, так и умерших от голода, и при обсуждении численности оставшихся за границей советских граждан автор вообще не учитывает значительный поток трудовых мигрантов и переселенцев, пересекавших во время войны бывшую границу СССР на запад. А ведь численность таких переселенцев весьма значительна. Это не только переехавшие из Карелии в Финляндию и из Прибалтики на запад, но и переселившиеся на работу или к родственникам жители Западной Белоруссии и Украины, а также Закарпатья и Молдавии.

⁴ Лопуховский в статье «Когда мы узнаем реальную цену разгрома гитлеровской Германии?» цитирует телеграмму Жукова Жданову в Ленинград: «Основное – это то, что Конев и Буденный проспали свои вооруженные силы. Принял от них одно воспоминание: от Буденного – штаб и 98 человек, от Конева – штаб и два запасных полка...» [Умылись кровью... 2012: 70].

В частности, по румынским данным, при занятии советскими войсками Молдавии в июне 1940 г. в Румынию бежало около 70 тыс. жителей, а в августе 1944 г. - около 200 тыс. [Wikipedia 2015b]. Причем это было в первую очередь трудоспособное население. И хотя некоторая часть из них впоследствии вернулась, сальдо миграции в итоге было не в пользу СССР. И это не считая выехавших в Германию немцев (122-127 тыс. только из Бессарабии и Буковины) [Wikipedia 2015b]. Именно отсутствие учета мигрантов через границу привело к сильному расхождению в оценках погибших в Германии остарбайтеров. Так, в некоторых статьях еще продолжают утверждать, что в Германии погибло якобы до 5 млн остарбайтеров. Говорит это и автор книги. На самом деле, по данным нескольких немецких исследований, включая комиссию Бундестага, из общего числа жертв мирного населения Германии в 1,5 млн иностранных рабочих погибло около 100 тыс., включая сюда же и поляков, и жителей Балкан⁵.

Глава 5 книги подвергает критике несколько дискуссионных утверждений и версий, достаточно произвольно выбранных автором. Литвиненко считает критику этих версий чрезвычайно важной. Ему не нравятся такие фразы, как: «Большие потери в войне из-за катастрофических просчетов власти», «Армия и народ не хотели воевать за социализм», «У Красной армии были бездарные командиры». Каждое из этих утверждений автор пытается эмоционально и подробно опровергать. Однако дело в том, что вышеперечисленные заключения отнюдь не на песке построены. Просчеты власти действительно и без преувеличения были катастрофическими. А иногда еще и преступными. Чего стоит одна лишь убежденность Сталина в том, что Гитлер не нападет? А разве нельзя назвать катастрофическим просчетом власти пакт Молотова-Риббентропа? Ведь в итоге Гитлер получил возможность захватить всю Европу и превратить побежденные страны в своих сателлитов, чтобы потом объединенными силами напасть на СССР, когда последний остался в одиночку. Разве это не катастрофический просчет власти? Во время войны жители Советского Союза так долго ждали открытия второго фронта, но не потому ли, что в августе 1939 г. СССР отверг союзнические предложения Англии и Франции, а в мае 1940 г. советский МИД поздравлял Гитлера с победой над Францией? И кстати говоря, в течение всех гитлеровских захватов в Европе с весны 1939 г. СССР не издал ни одной ноты протеста, а все изменения границ в Европе с сентября 1939 до начала 1941 г. были дипломатически признаны советским правительством [Документы внешней политики...1992, 1995, 1998]. Это ли не просчет власти?

Нельзя отвергать и факт нежелания значительной части солдат отдавать жизнь за Советский Союз в 1941-1942 гг., как ни неприятно сейчас говорить об этом. Уже издано достаточно исследований, например историков Марка Солонина и Кирилла Александрова [Солонин 2006, 2009, 2014, Александров 2009], с подробным анализом психологического

⁵ Официальная немецкая статистика оценивала количество погибшего мирного населения Германии от военных действий в границах 1937 г. в 456 тыс., не разделяя его на граждан Рейха и иностранных рабочих. Общая цифра в 1,5 млн погибших и умерших мирных жителей получается с учетом геноцида евреев — граждан Германии и умерших беженцев-немцев из восточных регионов. Погибшие иностранные рабочие также учитывались в этих оценках [Wirtschaft und Statistik 1956].

состояния Красной армии в 1941 г. Именно психологическое состояние народа и армии привело к тому, что под гитлеровские знамена добровольно встали до 1,1-1,2 млн⁶ советских граждан, т. е. число, сравнимое с числом добровольцев в нашем народном ополчении в 1941 г. Из боевых журналов советских и немецких частей лета 1941 г. ясно следует, что огромная часть танков, артиллерии и оружия в первый месяц войны были брошены у границы без единого выстрела по врагу. Порой доля такой брошенной техники доходила до 80-90%⁷. Лишь позднее народ осознал необходимость защищать свою землю с традиционным российским упорством. И можно легко предположить, что нежелание воевать на начальном этапе войны коренилось в голодоморе, коллективизации, искоренении религии, массовом терроре. Именно по этим причинам война обошлась нам так дорого.

ЛИТЕРАТУРА

- Александров К. М. (2009). Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова 1944-1945. Биографический справочник. Изд. 2. М.
- Байербах А. (2010). "Гриф секретности" Кривошеева и проблемы с подсчетом потерь СССР в Великой Отечественной войне. http://www.solonin.org/other_a-bayerbah-grif-sekretnosti (дата последнего обращения 29.06.2015).
- Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник (2015). М.: Госкомстат.
- Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах (1993) / Под. ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Воениздат. <http://lib.ru/MEMUARY/1939-1945/KRIWOSHEEW/poteri.txt> (дата последнего обращения 29.06.2015).
- Документы внешней политики СССР (1992). Том 22. Кн. 2. 1 сентября — 31 декабря 1939 г. М.: Международные отношения.
- Документы внешней политики СССР (1995). Том 23. Кн. 1. 1 января — 31 октября 1940 г. М.: Международные отношения.
- Документы внешней политики СССР (1998). Том 23. Кн. 2 (часть 1). 1 ноября 1940 г. — 1 марта 1941 г. М.: Международные отношения.
- Литвиненко В.В. (2013). Цена войны. Людские потери на советско-германском фронте. М.: Вече.
- Романько О. В. (2004). Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М.: АСТ, Транзиткнига.

⁶ Расчет граждан СССР по национальным группам, состоявшим на военной службе у противника в 1941-1945 гг. (1,24 млн), см. [Александров 2009:87]. По оценкам О. В. Романько, общая цифра граждан СССР, состоявших на военной службе противника, включая силы вспомогательной полиции, достигала от 1,3 до 1,5 млн человек (см. таблицу 5 [Романько 2004: 260]).

⁷ Подробности о распаде частей РККА на границе в июне 1941 г. по материалам журналов боевых действий приводит Марк Солонин [Солонин 2014]. Его же обобщения и анализ причин произошедшей массовой потери вооружения: [Солонин 2006, 2009].

- Савченко Н. (2013). Подробно о потерях Великой Отечественной.
<http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0559/demoscope559.pdf> (дата последнего обращения 29.06.2015).
- Солонин М.С. (2006). 22 июня, или когда началась Великая Отечественная война. М.: Яуза, Эксмо.
- Солонин М.С. (2009). Разгром 1941. На мирно спящих аэродромах... М.: Яуза, Эксмо.
- Солонин М.С. (2014). Июнь 1941-го. Окончательный диагноз. М.: Яуза, Эксмо.
- Умылись кровью. Ложь и правда о потерях в Великой Отечественной войне (2012). М.: Яуза, Эксмо.
- Kammerer W., A. Kammerer (2005). Narben bleiben die Arbeit der Suchdienste – 60 Jahre nach dem Zweiten Weltkrieg. Berlin Dienststelle.
- The History Place. The Defeat of Hitler. Catastrophe at Stalingrad (2010).
<http://www.historyplace.com/worldwar2/defeat/catastrophe-stalingrad.htm> (дата последнего обращения 29.06.2015)
- The Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland (1960).
http://www.digizeitschriften.de/dms/toc/?PID=PPN514402342_1960 (дата последнего обращения 29.06.2015)
- Wikipedia (2015a). Войска ВНОС. https://ru.wikipedia.org/wiki/Войска_ВНОС (дата последнего обращения 29.06.2015).
- Wikipedia (2015b). Soviet occupation of Bessarabia and Northern Bukovina.
https://en.wikipedia.org/?title=Soviet_occupation_of_Bessarabia_and_Northern_Bukovina (дата последнего обращения 29.06.2015).
- Wirtschaft und Statistik (1956). Цит. по: Human Losses in World War II. German Statistics and Documents. http://www.ww2stats.com/pop_ger_bal.html (дата последнего обращения 29.06.2015).